

ЛЮБОВЬ К СПРАВЕДЛИВОСТИ

Из всех богачей не только самый несчастный, но и самый бедный тот, в ком нет ни капли милосердия.

Алек Манукян

Я хорошо помню, как в шестилетнем возрасте, когда почти всех моих сверстников в Степанакерте водили в детский сад их папы, меня и еще двух-трех ребят — мамы или бабушки. В семь лет практически всем детсадовским составом старшей группы мы пошли в армянскую школу. Но на сей раз запомнилось уже другое. Мало кого из ребятишек за руки водили папы. И немудрено: это было в 1942 году. Почти все отцы, которые избежали трагедии тридцать седьмого года, отправились на фронт. По окончании первого класса распространился слух, что в следующем учебном году мальчики и девочки будут учиться раздельно. Тотчас же в городе запаниковали, и в первую очередь дедушки, которые, будучи людьми мудрыми, в этой, как они говорили, «очередной противоестественной затее», уловили большую опасность. Годы спустя мне стало известно, что дедушка Маркос (муж сестры моего отца, который после гибели папы в тридцать седьмом взял меня на воспитание) произнес историческую фразу: «Я ничего не могу понять у этого государства. С одной стороны, проповедуют безбожие, с другой, — в школах воспитывают монахов и монахинь»...

Неожиданно в городе распространился и другой слух: в единственной в Степанакерте русской школе будут проводить совместное обучение ввиду того, что там учатся дети офицеров и сверхсрочников, а также «сыновья полка», дислоцированного в городе. Вот так чуть ли не треть нашего армянского класса перевели первого сентября 1943 года в русскую школу, куда первоклашек из военного городка водили офицеры и старшины в новых погонах. Тогда только-только петлицы заменили на погоны. И мы, несмышлениши, завидовали нашим русским сверстникам.

Я бы не сказал, что мое чуть ли не сплошь осиротевшее поколение страдало от некоего комплекса неполноценности. Не было, к примеру, даже у меня такого чувства, когда уже в пер-

вом классе я стал круглым сиротой. Кстати, не только я. В один день у трех учеников из нашего класса репрессировали матерей, жен бывших ответственных работников, по статье ЧСВН (член семьи «врага народа») или ЧСИР (член семьи изменника родины). Однако я лично не пострадал не только потому, что у меня вместо родителей был мудрый дедушка Маркос и боевая сестра отца — тикин Софья, но и потому, что тогда существовала осязаемая социальная справедливость.

После войны командиром Степанакертского полка был назначен полковник Техашивили. Красавец мужчина. Весь в боевых наградах. Когда он выходил в город, ему отдавали честь даже гражданские лица, выражая таким образом особое уважение к нему. Наш класс гордился, что дочь самого главного военного в городе Заира Техашивили училась у нас. Однажды на родительское собрание пришел сам командир полка. Весь наш класс толпился в коридоре в ожидании окончания собрания, чтобы вблизи поглазеть на полковника в каракулевой папаше. Наконец открылись двери, и в сопровождении директора школы и других родителей, особенно женщин, вышел полковник Техашивили. Он достал большую коробку папирос «Казбек», закурил. Глубоко затянулся. Выпустил дым куда-то в сторону и довольно громко произнес: «Боже мой! Сплошная безотцовщина». Слово это я услышал впервые в жизни.

Общее горе спланивало людей. В государственных амбарах было пусто. До последнего колоска вывозили за пределы области. Но, с другой стороны, городские мужи не только не препятствовали, а даже поощряли тех, кто обзаводился огородами. В трех местах вблизи Степанакерта мы имели огороды. Оставшиеся в нашей семье двое мужчин — старый-престарый дедушка Маркос и я, маленький-премаленький пацан, успевали всюду. Иначе нельзя было. Денег едва хватало только на то, чтобы купить по карточкам хлеб. Собственно, даже если бы ты был самим Рокфеллером, то и тогда не смог бы купить хлеба больше, чем положено по карточкам. Вот и уповали на огороды, которые всю осень, зиму и весну кормили нас картошкой, фасолью, луком, капустой, тыквой. С нетерпением ждали лета, чтобы наестся от пуза золотистого цвета тутовыми ягодами. Дрова привозили из леса сами. Так жили все без исключения. Учились нормально. Накачивали бицепсы. Всем миром одолевали сплошную безотцовщину.

Я далек от мысли проводить параллель между сегодняшней ситуацией и положением того военного и послевоенного вре-

мени. Совершенно другая, так сказать, арифметика. Сегодня, пережив войну в нашей новейшей истории, последствия землетрясения, погромов, насильственной депортации наших соотечественников из регионов исторической Армении, мы, тем не менее, не можем говорить, к примеру, о «сплошной безотцовщине». И все же для нашего малочисленного народа около семи тысяч вдов и около восемнадцати тысяч детей без отцов — это страшная цифра. К этому необходимо прибавить и большое число детей, чьи отцы отбывают в тюрьмах длительные сроки наказания (тоже ведь своеобразная безотцовщина). Кроме того, говоря о социальной справедливости, мы имеем в виду ситуацию, сложившуюся в семьях не только погибших, но и всех тех, кто находится за чертой бедности. Тут уже речь идет об абсолютном большинстве населения республики. И тут уже философия и юриспруденция социальной справедливости обретают особый смысл и особую суть.

Справедливость, конечно, не самоцель. Она сама по себе не может сделать кашу пожирней. Но зато она помогает получить кусок хлеба тому, кто сам не может его взять. Поэтому наши предки воспринимали только действенную справедливость, или истину в действии. Сегодня, думаю, справедливость — это осознание положения вдовы, которая не может накормить и одеть детей героя, отдавшего жизнь за свободу Родины. Но как страшно, когда вместо этого самого осознания (т.е. оказания конкретной помощи) на глазах у вдовы и ее полусироток соотечественники открыто и бесцеремонно, повторюсь, демонстрируют нескончаемую кавалькаду импортных машин на свадьбе или на дне рождения своих детей, а то и целую сотню квадратных метров бесценного мрамора на могиле родителей.

Я бы не хотел быть неправильно понятым моими читателями. Одна государственная формация сменилась другой. Так называемый социализм при сохранении устоявшегося совокупного менталитета народа в одночасье перерос в так называемый капитализм. Самыми тяжелыми периодами в истории человечества всегда считались переходные. Библейскому Моисею и его брату Аарону потребовалось сорок долгих лет, чтобы, ведя по пустыне вчерашних рабов, приучить их к свободе. Но там было, что называется, проще и надежнее. Опять повторюсь: как только во время Исхода кончилась провизия, Бог посылал манну с неба, чтобы спасти их от наступающих фараоновых войск, Бог открыл им дорогу жизни по дну разверзнувшегося моря. Мы же свой тернистый путь к свободе, до которой еще

далеко, проходим, преодолевая и побеждая прежде всего самих себя. Если в чем и помог нам Бог, так это в том, что, оценив подвиг и исключительный стоицизм нашего народа, благословил нашу борьбу и победу. История воздаст должное нашему народу за то, что он в годы лихолетья действительно стоически вынес все тяготы и лишения, пережил сущий ад во мраке, холоде, голоде и нескончаемом трауре девяносто второго — девяносто четвертого годов. Мы вели справедливую войну, и до другой справедливости нам не было дела. И никому в голову не приходило задуматься, что там находится за окнами — социализм или капитализм? Нам нужна была только победа. И вот сплоченные еще вчера, будто сжатые в кулак пальцы, соотечественники после долгожданной победы оказались в неравном положении, а посему — по разные стороны баррикад.

В пору, когда не было никакой законодательной базы для рыночных отношений, в том числе и налоговой политики, вдруг появилась целая прорва миллионеров-мародеров, демонстративно шикающих так, словно не было ни войны, ни женшин в черном. И впрямь, презрев элементарные нормы морали, абсолютно не стеснялись даже тысяч и тысяч одетых в траур вдов и матерей. Безнаказанность порождала вседозволенность и цинизм, что в свою очередь привело к выраженной социальной несправедливости в обществе, которое вскоре раскололось на два полярных лагеря: небольшая кучка очень богатых и огромная масса очень бедных. Правда, годы спустя на государственном уровне взяли за мародеров. Часть из них, вернув награбленное, осталась на свободе и продолжала свой бизнес. Многие, захватив с собой награбленное, удрали на чужбину. Сегодня, к счастью, появилось уже целое поколение преуспевающих честных бизнесменов, на которых, по большому счету, держится отечественная экономика. И если еще есть проблемы с материальным обеспечением армии, образования, здравоохранения, науки, пенсионеров, продовольственной корзины (перечень, увы, можно продолжить без конца), то это только потому, что у нас еще мало предпринимателей, а стало быть, мало богатых. При социализме социальная справедливость держалась на пресловутой уравниловке. В свое время я писал в «Литературной газете»: врач, проводивший в месяц тридцать операций на сердце, второй — тридцать аппендэктомий и третий, находящийся все это время в белой горячке, получали одинаково — по сто восемь рублей. Так по уравниловке в древности оценивался только рабский труд.

Нынче все резко изменилось. И перемены эти происходят в тяжелейший переходный период, да еще на фоне затвердевшего менталитета отцов и максимализма детей. Однако есть еще один фон, с которого мы начали эту беседу. Это огромное количество молодых вдов с малолетними детьми, инвалидов, одиноких старцев, оказавшихся на краю пропасти представителей интеллигенции — словом, обездоленных. И они нам не чужие. Родные. Не нами сказано: «Нравственность не барство и не рабство, а родство». Именно исходя из этой благородной мудрости и истины, мы должны в переходный период любой наш шаг соизмерять с тем суровым фактом, что ставшие жалкими одинокие старцы — это наши отцы, что гордые вдовы в черном, едва сводящие концы с концами, чтобы как-то прокормить своих детей-сирот, — это наши сестры. Каждую минуту мы должны помнить о них.

Мне, действительно, не хотелось бы быть неправильно понятым. Не хотелось бы выглядеть ни утопистом, ни идеалистом, ни наивным человеком, который день и ночь твердит, что нельзя (грешно) на сегодняшнем фоне в фешенебельном ресторане накрывать барский стол на шестьсот персон только для того, чтобы отметить крещение двухлетнего ребенка. Исполком веку известно: ни сам ритуал, ни сама философия сути и смысла крещения не могут и не должны сопровождаться акциями и шоу, демонстрирующими богатство и возможности родителей. Ученые-специалисты (социологи, психологи, философы, футурологи, научные прогнозисты) утверждают, что в создавшемся ныне миропорядке выживут только народы, обладающие «здоровой философией». В число таких народов, которые можно сосчитать на пальцах, входят, по мнению ученых, и армяне с их стоицизмом, с их умением обходиться малым, как говорится, выжать из камня вино, почитать предков, любить семью, уважать народные традиции, а также верить в Бога. (Об этом более подробно расскажу в статье «Война философий, или Золотой принцип Платона»). Именно уважение к традициям предков не позволяет кичиться богатством, особенно если оно получено не трудом. Ибо в таких случаях оно невольно вызывает зависть, в которой, по выражению Аристотеля, «заложена и любовь к справедливости».

Самое страшное то, что «кичливость богатством», особенно если это явление становится массовым, представляет опасность не только для свежее испеченного «олигарха», но и для всего общества и даже — всего государства. Когда я писал эти

строки, к моему письменному столу подошла моя дочь Сусанна и, не скрывая удивления, показала мне ею подчеркнутый абзац книги С. Н. Лазарева «Диагностика кармы»: «Америка сильно «потянула» весь мир к общечеловеческим ценностям. То есть к благополучной жизни, выполнению желаний, осуществлению целей и задач. Значит, для того, чтобы человечество не погибло, в Америке должен начаться развал благополучной жизни, крах желаний и надежд. Это может проявиться как ухудшение экономического положения, ухудшение здоровья и физического, и психического, особенно у новорожденных, как бесплодие, теракты (! — З.Б.), стихийные бедствия (! — З.Б) и так далее. Но поскольку ее энергетическим лидером является Нью-Йорк, то наибольшее количество проблем, скорее всего, будет происходить на территории Нью-Йорка».

Остается добавить, что эти слова были написаны задолго до 11 сентября 2001 года.